

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПОНЯТИЙ: ОБРАЗ, ИКОНА, ИМИДЖ, ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ, РЕПУТАЦИЯ, ИХ ПРОЯВЛЕНИЯ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ

Глеб Софронов*
Роберт Холстинин**

DOI 10.24833/2073-8420-2023-1-66-3-14

***Введение.** В статье представлена попытка впервые, на основании философско-правового осмысления использовать новое для правового научного оборота понятие «репутация». Правовые, в том числе и уголовно-процессуальные термины возникают как родовидовые. То есть понятия подводятся под общий род, а затем выделяются видовые отличия. Философские категории, в силу своей всеобщности, под род подведены быть не могут, и, как правило, выступают в виде диалектической пары противоположностей – тезиса и антитезиса. Таковы, например, понятия сущности и явления, необходимости и случайности, содержания и формы. Сложность введения в научный оборот нового понятия репутация состоит в том, что оно не имеет своей диалектической антитезы. Дурная репутация – это тоже репутация. С натяжкой репутация может быть противопоставлена дискредитации, но дискредитация это действие, направленное на подрыв репутации, а это переход в другой род. Такого рода понятия могут быть осмысленными по аналогии. В качестве таковой авторы выбрали диалектическую пару икона - имидж, как иноязычные кальки с русского слова образ, которые в юридическом смысле сводятся к репутации. И то и другое (как икона, так и имидж) – это образ, но сколь различны и даже противоположны значения этих слов. Причём изначально интенции авторов были именно языковыми (а не религиозными или маркетинговыми), и уже затем слова сами обозначили культурную область своего применения.*

* **Софронов Глеб Васильевич**, кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной деятельности и уголовного процесса Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, Россия
e-mail: cka1@inbox.ru
ORCID ID: 0000-0003-2195-237X

** **Холстинин Роберт Николаевич**, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, Россия
e-mail: holstinin11@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-9367-3145

Материалы и методы. Теоретико-методологическую основу исследования составил герменевтический подход к анализу понятия «репутация». Использовались методы системного, сравнительно-правового анализа, специальные философско-правовые исследовательские инструменты. Авторы использовали примеры из различных областей права – уголовно- процессуального, уголовного, гражданского.

Результаты исследования. По результатам проведённого анализа ставится вопрос о доверии применительно к процессуальному статусу участников уголовного судопроизводства. Предложено введение в юридический оборот понятия «репутация» как правовой категории.

Обсуждение и заключение. В виде законодательной новеллы сформулирована презумпция добросовестности участника уголовного судопроизводства.

Презумпция добросовестности:

1. Каждый считается добросовестным и разумным, пока иное не будет доказано в предусмотренном настоящим Кодексом порядке и установлено вступившим в законную силу судебным актом.
2. Каждый не обязан доказывать свою добросовестность и разумность. Бремя доказывания недобросовестности, неразумности, злоупотребления правом, лежит на лице, утверждающем обратное.
3. Все сомнения в добросовестности и разумности лица, которые не могут быть устранены в порядке, установленном настоящим Кодексом, толкуются в пользу лица, репутация которого подвергнута сомнению.
4. Любые процессуальные действия и (или) решения государственного органа или должностного лица в сфере уголовного судопроизводства, даже основанные на предположениях, не могут основываться на одном лишь факте наличия у лица определённого процессуального статуса в рассматриваемом или ином деле.

Введение

Репутация новый феномен, который нуждается как в философском, так и в правовом осмыслении. Изначально репутация – это «(фр., от лат. *reputatio* размышление, рассуждение) добрая или худая слава о человеке; общественное мнение о человеке, об учреждении» [13]. Сейчас это «создавшееся общее мнение о качестве, достоинствах и недостатках кого-либо, чего-либо» [1].

Термин не имеет языкового антонима. Отсутствие репутации, как и дурная репутация – это всё же нечто иное, нежели репутация. Репутация – это мнение, образ (синонимы, аналогичные понятия) и противостоять ему может только реальность, бытие да и то в рамках определённой философии. Образ – это то, что возникает в человеке в результате его взаимодействия со средой.

Вместе с тем в христианском миропонимании исходный образ человека являет собой не результат (продукт) взаимодействия человека с окружающей средой, а именно с Богом (Творцом). Именно отсюда происхо-

дит понимание человека в качестве носителя образа Божьего. Принято также считать, что в своём внутреннем мире человек общается с Богом не только посредством молитвы, но и через созерцательность (одно из имён Бога - Красота), а также через совесть.

Исходя из этих смысловых взаимосвязей авторов интересует научно-философское осмысление понятий: образ, икона, имидж с переходом к терминам, имеющим прикладное значение в сфере юриспруденции, таких как: добросовестность, разумность, репутация.

Важнейшей частью права как системы является уголовное правоприменение, где материальное уголовное право, прямо базирующееся на ветхозаветных заповедях, вырастающее из него, обретает бытие в нормах процессуальных, собственно, в уголовном судопроизводстве.

Исследование

Юридическая регламентация человеческой деятельности (а уголовное судопроизводство урегулировано весьма детально), -

ведёт к ускользанию содержания и неизбежному нарастанию правовой формы.

Тем не менее оживление уголовно-процессуальной формы возможно именно через уяснение смысла правовых понятий, понимание духа закона.

Странно, но факт. Как в научном обороте уголовно-процессуального права, так и в уголовно-процессуальном законе нет таких понятий, как добросовестность, разумность и репутация!

Выход на упомянутые термины как правовые найдём через такие категории как отражение, что в русском языке – образ, в английском – имидж, в греческом – икона.

Здесь на стыке философии и юриспруденции можем приблизиться к научной новизне, которая, казалось бы, лежит на поверхности.

Основное свойство образа – наглядность. «НАГЛЯДНОСТЬ - представленность скрытой реальности в формах вторичной чувственности» [10]. Древние греки различали в идее (сущности) наглядную и скрытую стороны. Эйдетическая сторона созерцается нашим особым, внутренним, зрением - эйдос (вид) созерцается умом как некая картинка. Вторая сторона не имеет изобразительного характера и выражается словом. Созерцательная способность разума отражена Платоном в понятии ноэзиса, т. е. "мыслящего видения сущности". Таким образом, наглядность по традиции сопряжена с геометризацией умопостигаемого, его отражения в пространственно-структурированных формах. В настоящее время презентация в формате Power Point может являться условием технически продвинутой лекции. Визуализация лекционного материала позволяет наглядно и образно представить идеи автора. Но визуализация в области гуманитарного знания не всегда даёт адекватное понимание. Так, если в компьютерном поисковике набрать запрос сделка, то картинка по этому запросу будет выглядеть как рукопожатие. Право - фигурка Фемиды. Свобода - открытое пространство, парящая птица или яхта на фоне заходящего солнца. Порочность представленной визуализации становится очевидной, когда совершается логический переход от категорий к видам. Ничтожная сделка не может быть представлена как рукопожатие, право на отдых не имеет связи с Фемидой, а свобода совести явно не соотносится с яхтой.

В русской культуре образ колеблется между своими иноязычными смысловыми кальками – иконой и имиджем [8].

Для человека, думающего на русском языке, смыслы усматриваются неоднозначные. В названии статьи угадывается спор, противопоставление. Без этого, конечно, никак не обойдёмся, так как смысл категории, понятия и юридического термина ярче всего раскрывается при сопоставлении.

Икона – сакральная вещь, связанная с потусторонним миром. Напротив, имидж – положительный образ человека, компании, социального института и так далее, вплоть до положительного образа товара.

В имидже проявляется материалистическое понимание образа, нуждающееся в обозрении со стороны других людей. При этом, поскольку социальные взаимодействия наполнены, прежде всего, товарно-денежными связями и отношениями – имидж (а нашим, русским пониманием этого слова) – сводится к извлечению денежного эквивалента.

Деньги сами по себе нейтральны, они лишь инструмент человеческого взаимодействия, но это человеческое взаимодействие не оставляет места присутствию Бога.

В Новом завете денежные отношения упоминаются несколько раз: изгнание торговцев из Храма; предательство Иуды; лепта бедной вдовы, но ярче всего раскрывается правильное отношение к деньгам в необходимости отдавать Богу – божье, а Кесарю – кесарево.

Кесарево изображение на монете. К чему оно ближе: к имиджу или иконе? К иконе оно точно не имеет никакого отношения.

Имидж лишь имитирует икону так же, как мошенник выманивает деньги, изображая правомерное поведение.

Нельзя одновременно служить и Богу и мамоне [5]. Со временем мошенник обязательно раскроется, позолота слетит и, вместо «серебра Господа Моего», проступят грубые манипуляционные, имиджевые очертания.

Бог не посягает на свободу, человек вправе самостоятельно и свободно выбрать сам между родниковой водой и кока-колой.

Современный человек, не чуждый прогрессивным веяниям, должен работать над своим имиджем, который и есть средство достижения социального успеха. Это сразу создаёт рамку, человек уже что-то становится должен. Его уже повели за собой, им манипулируют. Кто главный, когда говорим об имидже? Человек главный. А кто главный при общении человека с иконой? Точно не человек.

Начнём со словарного определения термина имидж. «Имидж (англ. Image – образ) –

целостный, качественно определённый образ данного объекта, устойчиво живущий и воспроизводящийся в массовом и/или индивидуальном сознании» [9. С. 418]. То есть имиджевое связано со стереотипным, часто даже паразитирует на нём.

Имидж, как правило, создаётся в определённых целях, вне обязательного соответствия действительности. О лживости имиджа свидетельствует многое. За пивом бежит не самый умный, обладание бриллиантами предпочтительнее обладания флаконом духов, а использование дезодоранта не производит магического эффекта на противоположный пол.

Несоответствие реального объекта и его восприятия особенно заметно в случае имиджмейкинга. Политик или селебрити из шоу-бизнеса меняет причёску, манеру держаться на публике, речь – по сути, играет роль, а не самого себя.

Мышление формируется на основании четырёх факторов: двигательной активности, сенсомоторного отображения действительности, иконического отображения действительности и символического отображения действительности. Каждый фактор основывается на предыдущем и является необходимым условием развития последующего [4. С. 366-367].

Икона является особым объектом исключительно в религиозной практике. Вне её рамок она имеет иное значение. Например, при краже иконы она рассматривается как товар, имеющий стоимость в денежном выражении. Цена определяется в рамках экспертизы. Сможет ли эксперт-товаровед учесть такие факторы, как чудотворение или мироточение.

Представляется, что такие необъяснимые явления не влияют на ценность иконы. Её денежный эквивалент связан с художественной ценностью, оригинальностью, уникальностью изображения с точки зрения именно материального носителя.

Ценность иконы этим не исчерпывается.

Есть сведения о мироточении ксерокопии иконы с изображением Николая Романова [6]. Если бы эту ксерокопию украли, какова была бы её стоимость, зафиксированная в уголовном деле?

Копий может быть много, её цена бесконечно приближалась бы к нулю, хотя её значимость вне товарно-денежных отношений находится совершенно в иной системе координат.

Икона обязательно имеет материальный носитель (бумага, камень, материал мо-

нитора любого гаджета), но центр тяжести у иконы в ином, нематериальном мире.

Хищение иконы и посягательство на имидж разнесены законодательством в разные сферы юридического бытия.

Кража имиджа это, конечно же, не подражание юного фаната рок-звезде, а, например, незаконное использование товарного знака. В этом случае возникает юридическая ответственность: гражданско-правовая (статья 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации); административная (статья 14.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях) и даже уголовная (статья 180 Уголовного кодекса Российской Федерации).

В данном случае посягательство на имиджевые объекты гражданского оборота имеет целью создание последствий, имеющих денежный эквивалент.

Но есть и некие переходные предметы правового регулирования.

Примером является денежная компенсация морального вреда (физических и нравственных страданий).

До сих пор никакой шкалы соответствия здесь не придумано, работает прецедент, но не как источник нормы права, а как некий необязательный шаблон.

Почему же здесь, несмотря на десятилетия судебной практики, так и не родилась норма права?

Полагаю, что здесь как законодатель, так и правоприменитель чувствуют грань возможности правового регулирования.

Здесь, на этой грани, уместно вернуться к сравнению двух образов: иконы и человека.

Как человек, так и икона принадлежат к двум мирам: материальному и духовному. Человек – живое существо: позвоночное, млекопитающее, теплокровное. Его организм, с точки зрения биологии и материально-осознаемого, обладает параметрами, которые свойственны любому животному.

Человека из животного мира выделяет способность к мышлению.

Наши дальнейшие рассуждения про икону во многом относятся к человеку как существу телесному и духовному.

Действует ли право собственности (иные вещные права) в отношении духовных благ?

Согласно положениям статьи 128 Гражданского кодекса Российской Федерации к объектам гражданских прав относятся вещи (включая наличные деньги и документальные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, бездокумен-

тарные ценные бумаги, цифровые права); результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага.

Имиджевые продукты – объект правового регулирования. Икона – отчасти тоже.

Может ли икона расцениваться в качестве нематериального блага в том смысле, какой заложен в Гражданском кодексе Российской Федерации?

Как уже говорилось, к нематериальным благам закон относит жизнь и здоровье, достоинство личности, личную неприкосновенность, честь и доброе имя, деловую репутацию, неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность жилища, личную и семейную тайны, свободу передвижения, свободу выбора места пребывания и жительства, имя гражданина, авторство, иные нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона.

Приведённая выше формулировка не может полностью охватить то, что несёт в себе икона.

Икона тоже произведение искусства. В этом отношении она такое же имущество, как и любое иное (по аналогии с обычным произведением искусства, картиной), однако мы же понимаем, что основная ценность иконы заключается не в стоимости красок, дерева, бумаги, не в художественности изображения и даже не в старости, которая позволяет продать икону на аукционе подороже.

У иконы есть второе духовное измерение. Она – как окно между материальным миром и иным непознаваемым, мистическим, сверхъестественным. Причём, что-то подсказывает, что это окно имеет два вектора и наше мысленное устремление туда и напоминание о том, что есть нечто взирающее оттуда. Человеку не дано этого в полной мере понять. В этом смысле икона недоступна опытному познанию, выходит за пределы чувственного опыта (трансцендентна).

Икона отличается от, например, религиозной картины.

Алексей Лидов говорит: «Научились описывать стиль, научились описывать иконографию, преимущественно фиксируя схемы, иногда с элементом интерпретации, умеем описывать технологию. ... А какие-то очень существенные вещи, важные для нашей традиции и для понимания базовых, сущностных явлений, мы упускаем» [6].

Иконой считают особое (с обратной перспективой, вневременное) изображе-

ние. Выдающийся апологет православия, профессор Московской духовной академии А.И. Осипов в телевизионном выступлении указал на то, что икона бесстрастна (святой не одержим страстями), в то время как любой портрет или фотография выражают движения души человека, то есть лицо человека, движимое страстями.

Человек, сотворённый Господом по образу и подобию Творца, сам в каком-то смысле является образом (иконой). Сочетаясь со грехом, каждый из нас (человеков) как бы продаёт это своё первородство за чечевичную похлёбку [2], сам приземляет себя, становясь имиджем вместо иконы. Такое «приземление» неизбежно происходит в жизни каждого. В жизни мы и продаём своё первородство за похлёбку и покупаем его.

Иконическое сознание ориентировано на слуховой опыт. «Все монашество ориентировано именно на аудиальный опыт, на звук, на послушание, если мы попадаем в литургическое, богослужбное пространство, потому что оно аудиально по своей основе, т.е. это прочитывание, пропевание определенных сакральных текстов... это, прежде всего, аудиальное пространство» [7].

Православное (в нашем варианте русское) сознание постоянно колеблется между иконой и имиджем.

Всё вышеизложенное является не только основой мировоззрения авторов настоящей статьи, но фундаментом для философского осмысления понятия репутации в её юридическом смысле.

Смыслы, стоящие за иконой и имиджем, обретают прикладное содержание через значение правовых терминов «добросовестность и разумность», «злоупотребление правом», «дискредитация».

«Добросовестность и разумность» является гражданско-правовой презумпцией, нашедшей своё закрепление в пункте 5 статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации. Юристы-практики не сильно жалуют декларации и общие части в нормативных правовых актах, но только не в данном случае.

Огромный массив судебной практики судов общей юрисдикции и арбитражных судов посвящается добросовестности и разумности, с одной стороны, и злоупотреблению правом, - с другой. Это касается и материального и процессуального гражданского права.

Пункт 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 "О применении судами некоторых положений раздела I части первой

Гражданского кодекса Российской Федерации" (далее – «Пленум 2015 года») просто «пропитан» смыслами этого словосочетания: «добросовестность и разумность».

Суть Пленум 2015 года формулирует не только в материально-правовом, но и в процессуальном аспекте: «Поведение одной из сторон может быть признано недобросовестным не только при наличии обоснованного заявления другой стороны, но и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения. В этом случае суд при рассмотрении дела выносит на обсуждение обстоятельства, явно свидетельствующие о таком недобросовестном поведении, даже если стороны на них не ссылались» (абзац 3 пункта 1 Пленума 2015 года).

Применительно к части 4 статьи 20.3 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)" А. В. Винницкий (не только учёный, но и практикующий адвокат), со знанием дела, справедливо указывает, что изначально норма об обязанности арбитражного управляющего действовать добросовестно и разумно в интересах должника, кредиторов и общества, - воспринималась как декларативная. Вместе с тем, она неожиданно для многих вдруг оказалась работоспособной и породила гигантский массив судебной практики.

«Сначала приведенная норма все чаще стала приводиться в качестве самостоятельного и самодостаточного основания для оспаривания действий (бездействия) арбитражного управляющего, затем - для взыскания с управляющих причиненных убытков... позднее в практике обнаружили попытки привлечения арбитражных управляющих к административной ответственности за недобросовестные и/или неразумные действия» [3. С. 1-15].

В подтверждение приводится ссылка на Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 14.06.2017 по делу № А33-25084/2016, Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 14.05.2019 № 17АП-5198/2019-АК, Решение Арбитражного суда Свердловской области от 24.12.2019 по делу № А60-57983/2019. Список далеко не исчерпывающий.

Результаты исследования

Важно понимать, что антипод «добросовестности и разумности» - «злоупотребление правом». Поведение субъекта правоотноше-

ния может встраиваться в букву закона, будучи по своей сути издевательством над его духом, являя собою изменение смысла закона по тому же принципу «икона - имидж».

Суд не защищает право, реализуемое со злоупотреблением (пункт 2 статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации). Обобщая судебную практику арбитражных судов первой инстанции, высшая судебная инстанция расширяет сферу добросовестности и разумности на сферу применения норм процессуального права.

Проанализируем под этим углом зрения Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 № 46 "О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции" (далее – Пленум 2021 года).

В частности, в процессуальную сторону расширяется то, что мы уже видели в Пленуме 2015 года, а именно: «Отказ стороны от фактического участия в состязательном процессе, в том числе непредставление или несвоевременное представление отзыва на исковое заявление, доказательств, уклонение стороны от участия в экспертизе, неявка в судебное заседание, а также сообщение суду и участникам процесса заведомо ложных сведений об обстоятельствах дела в силу части 2 статьи 9 АПК РФ может влечь для стороны неблагоприятные последствия, заключающиеся, например, в отнесении на лицо судебных расходов (часть 5 статьи 65 АПК РФ), в рассмотрении дела по имеющимся в деле доказательствам (часть 4 статьи 131 АПК РФ), оставлении искового заявления без рассмотрения (пункт 9 части 1 статьи 148 АПК РФ), появлении у другой стороны спора возможности пересмотра судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам (пункт 1 части 2 статьи 311 АПК РФ)».

При применении принципа добросовестности необходимо учитывать, что поведение одной из сторон может быть признано злоупотреблением правом не только при наличии обоснованного заявления другой стороны, но и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий лиц, участвующих в деле, от добросовестного поведения. В этих случаях суд при рассмотрении дела устанавливает факт злоупотребления правом и разрешает вопрос о применении последствий недобросовестного процессуального поведения, предусмотренных законом (например, статьи 111, 159 АПК РФ)» (абзацы 4 и 5 пункта 2 Пленума 2021 года).

Как видим, этот процесс идёт, формируется тенденция, о которой авторы настоящей статьи указывали ранее [11. С. 108-115].

При этом, как это обычно бывает в подобных ситуациях, сначала тренд улавливается материальным, затем, - проникает и в процессуальное право.

В нашем случае наиболее восприимчивым оказался арбитражный процесс, что можно связать с практикой по делам о банкротстве, в том числе это касается процедуры банкротства физических лиц. Объяснить это просто – огромное число дел, внутри которых ещё большее количество обособленных производств по конкретным спорам. При этом зачастую реабилитационное, по своей сути, банкротное производство многими изначально воспринималось как возможность, набрав долгов, избавиться от необходимости их обслуживать и погашать.

В уголовно-процессуальном праве такого массива судебной практики, связанного с недобросовестным процессуальным поведением не наблюдается, что, однако, не означает его отсутствие.

При производстве по уголовным делам имеет место массовое нарушение презумпции невиновности, связанное с латентным поощрением признания.

Признание вины прямо поощряется законом через введение особых порядков уголовного судопроизводства, связанных с признанием вины. Это и ординарный Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (Глава 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации), и специализированный Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ), и максимально упрощенный порядок Судебного производства по уголовному делу, дознание по которому производилось в сокращенной форме.

Признавшему вину гарантируется снижение максимального размера наказания: половина по ч. 6 ст. 226.9 УПК РФ; две трети в соответствии с ч. 7 ст. 316 УПК РФ. Кроме того, на согласившегося на особый порядок и признавшего свою вину подсудимого не могут быть возложены процессуальные издержки (ч. 10 ст. 316 УПК РФ).

Зачастую сам факт признания вины расценивается в качестве обстоятельства, смягчающего наказание. В частности, Приговором Асбестовского городского суда Свердловской области по делу № 1-158/2022 от 26.07.2022 подсудимый Р. признан вино-

вным в совершении преступления, предусмотренного пунктом «г» части 3 статьи 146 Уголовного кодекса Российской Федерации. В указанном Приговоре прямо указывается, что полное признание подсудимым своей вины суд признал смягчающим наказание обстоятельством, предусмотренным ч. 2 ст. 61 УК РФ как смягчающее обстоятельство, которое прямо не предусмотрено таковым в законе.

Такое поощряемое законом и судебной практикой подталкивание подсудимого к признанию своей вины приводит к искажению действительной воли участников уголовного судопроизводства, по сути это аномальное правовое явление, своего рода искривление правового поля.

Понимание того, что позиция признания является априори выигрышной на фоне ничтожно малого числа оправдательных приговоров судов первой инстанции, - в большом числе случаев мотивирует подсудимого к мнимому признанию.

В свою очередь такое мнимое признание по своей сути является искажением цели правосудия – правильного правоприменения, основанного на верном установлении фактических обстоятельств.

Таким образом, злоупотребления в сфере уголовного судопроизводства есть и их немало.

Мы сталкиваемся с порождением недоверия к возможностям уголовного правосудия, с его, по сути, дискредитацией.

Термин «дискредитация» ранее не находился в фокусе материального и процессуального уголовного права, «обитая» в нормах права гражданского (запрет на недобросовестную конкуренцию путем дискредитации /статья 14.1 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ "О защите конкуренции"/; недопущение дискредитации родителей и воспитателей, подрыв доверия к ним у несовершеннолетних /пункт 1 статьи 6 Федерального закона от 13.03.2006 № 38-ФЗ "О рекламе"/), конституционного (пункт 89 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400, где говорится о том, что подвергаются дискредитации традиционные для России конфессии, культура, русский язык как государственный язык Российской Федерации), экологического (подпункт «д» пункта 8 Основ государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года, утвержденных Указом Президента Российской Федерации от

05.03.2020 № 164, в котором дискредитация деятельности Российской Федерации в Арктике названа одним из Основных вызовов в сфере обеспечения национальной безопасности в Арктике).

В настоящее время с принятием Федерального закона от 04.03.2022 № 32-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" «дискредитация» стала понятием материального уголовного права. Появились три новых состава преступления: Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации (статья 207.3 Уголовного кодекса Российской Федерации); Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности (статья 280.3 Уголовного кодекса Российской Федерации); Призывы к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации, граждан Российской Федерации или российских юридических лиц (статья 284.2 Уголовного кодекса Российской Федерации).

Два из трех новых составов говорят о «дискредитации» (ст.ст. 207.3, 280.3 УК РФ), один из них (ст. 280.3 УК РФ) прямо использует это слово, другой (ст. 207.3 УК РФ) его подразумевает.

Всё, что мы ранее обсудили применительно к прочим отраслям права, относится и к производству по уголовным делам. Нельзя сказать, что закон и судебная практика вообще не замечали тематики, связанной с «добросовестностью и разумностью», «злоупотреблением правом», «дискредитацией», но эта тематика не подразумевала именно репутационных смыслов.

Сначала несколько слов в отношении дискредитации. Дискредитация (от фр. *discréditer* – «подрывать доверие») – умышленные действия, направленные на подрыв авторитета, имиджа и доверия к кому-либо, умаление его достоинства и авторитета. Причём, очевидно, что здесь главное именно «доверие», что связано со значением слова «кредит». Кредит (от лат. *creditum* – заём от лат. *credere* – доверять).

Таким образом, говоря о дискредитации, подходим ко всему, что ассоциируется с доверием или с отсутствием оно, составляем мнение о ком-либо, о чём-либо.

Мнение о возможности доверять или, наоборот, об априорном подозрении охватывается понятием «репутация».

Репутация может быть любая – безупречная или сомнительная.

При этом проявления «репутации» в уголовно-процессуальном праве интереснее и фундаментальнее, чем кажутся.

В структурном отношении место «репутации» находится на стыке двух подотраслей: уголовно-процессуального доказательственного и уголовно-процессуального статусного права [12. С. 229-234].

Репутация комплексным образом сочетает внутри себя и добросовестность, и разумность, и недопустимость злоупотребления правом, и наличие/отсутствие априорной дискредитации.

Каковы репутационные проявления в уголовно-процессуальном праве?

Прежде всего это все случаи прямого или косвенного упоминания о доверии.

Прямо доверие упоминается в тексте Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации дважды применительно к мерам пресечения.

Так, личное поручительство (статья 103 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации) в силу положений части 1 статьи 103 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, состоит в письменном обязательстве заслуживающего доверия лица о том, что оно ручается за выполнение подозреваемым или обвиняемым обязательств являться по вызову, а также не препятствовать производству по уголовному делу.

В аналогичном контексте доверие упомянуто в ч. 1 ст. 105 УПК РФ применительно к присмотру за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым.

Однако довольно часто понятие репутации проявляется без прямого указания на него в законе.

Например, предоставляя широкие полномочия суду (ст. 29 УПК РФ), прокурору (ст. 37 УПК РФ), следователю (ст. 38 УПК РФ), руководителю следственного органа (ст. 39 УПК РФ), дознавателю и его руководителям (ст.ст. 40.1, 40.2, 41), - законодатель исходит из того, что репутация у носителей этих полномочий безупречная, каждый из них обязан иметь совесть и ею руководствоваться (ч. 1 ст. 17 УПК РФ). Причём последнее (наличие совести) есть не только профессиональный атрибут профессионального властного участника уголовно-процессуальной деятельности, но и неотъемлемое качество

того, кому доверено принятие приговора по делу (ч. 1 ст. 332 УПК РФ).

Таким образом, у государственных органов и должностных лиц предполагается наличие положительной репутации, что обуславливает наличие доверия к их действиям и решениям.

Гарантируются такие высокие репутационные стандарты наличием «фильтров», которые исключают возникновение соответствующих процессуальных статусов у вышеперечисленных лиц, которые, например, имеют неснятую или непогашенную судимость.

Теперь о лицах с сомнительной репутацией.

Во-первых, это лица, в отношении которых осуществляется производство по уголовному делу.

Это субъекты со стороны защиты (преследуемые¹ лица), за исключением защитника и представителя: подозреваемый (ст. 46 УПК РФ), обвиняемый (ст. 47 УПК РФ), лицо, в отношении которого проводится доследственная проверка² (п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ), а также гражданский ответчик, коль скоро предполагается, что он может совершать некие запрещённые действия (ч. 3 ст. 54 УПК РФ).

Проблема зачастую заключается в том, что преследуемые лица изначально предполагаются теми, кто потенциально склонен ко лжи, то есть их репутация заведомо «подмачивается» самим фактом присвоения им соответствующего преследуемого процессуального статуса.

Есть и другие случаи, в которых репутация страдает от одного предположения о наличии возможности антиобщественного

поведения субъекта уголовно-процессуальной деятельности.

В ч. 3 ст. 115 УПК РФ указано: «Арест может быть наложен на имущество, находящееся у других лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия, если есть достаточные основания полагать, что оно получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организованной группы, незаконного вооружённого формирования, преступного сообщества (преступной организации)».

Лицо, не являющееся ни подозреваемым, ни обвиняемым, имущество которого арестовано, тоже является преследуемым лицом, хотя именно уголовное преследование в узком смысле в отношении него не осуществляется.

Проблема для преследуемого лица заключается в том, что его ранее безупречная (в общесоциальном смысле) репутация «разбивается» о новый процессуальный статус в уголовном деле.

Парадоксально, но факт что, в некотором смысле обвиняемый находится в более привилегированном репутационном положении, чем лицо, чьё имущество подвергнуто аресту.

Как быть? Можно ли эту ситуацию урегулировать нормами права?

Это сложно, но возможно, но только в общем декларативном плане.

¹ Термин «преследуемые лица» здесь более широк, нежели «лица, подвергаемые уголовному преследованию», поскольку, например, гражданский ответчик не обязательно преследуется за совершение деяния, запрещённого уголовным законом под страхом наказания.

² Доследственная проверка – действия, проводимые до возбуждения уголовного дела. В УПК РФ «доследственная» проверка не упоминается, однако в качестве совокупности действий до возбуждения уголовного дела на неё указывается в подзаконных актах и официальных актах толкования (в том числе: "Методические рекомендации по порядку назначения и производства судебных экспертиз в рамках доследственных проверок и расследования преступлений, подследственных Федеральной службе судебных приставов", утв. ФССП России 15.09.2014 № 0004/22; Приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 "О едином учете преступлений" (Зарегистрировано в Минюсте России 30.12.2005 № 7339); "Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам защиты права лица на жизнь" (утв. Президиумом Верховного Суда РФ) и прочие).

Заключение

Предлагается закрепить в уголовно-процессуальном законе норму, аналогичную презумпции невиновности, закреплённой в ст. 14 УПК РФ.

Например, она может быть сформулирована следующим образом:

«Статья 14.1. Презумпция добросовестности.

1. Каждый считается добросовестным и разумным, пока иное не будет доказано в предусмотренном настоящим Кодексом порядке и установлено вступившим в законную силу судебным актом.

2. Каждый не обязан доказывать свою добросовестность и разумность. Бремя доказывания недобросовестности, неразумности, злоупотребления правом, лежит на лице, утверждающем обратное.

3. Все сомнения в добросовестности и разумности лица, которые не могут быть устранены в порядке, установленном настоящим Кодексом, толкуются в пользу лица, репутация которого подвергнута сомнению.

4. Любые процессуальные действия и (или) решения государственного органа или должностного лица в сфере уголовного судопроизводства, даже основанные на предположениях, не могут основываться на одном лишь факте наличия у лица определённого процессуального статуса в рассматриваемом или ином деле».

Таким образом, в российской уголовной юрисдикции назревает необходимость использования правового института, который может быть условно либо формально-юридически поименован как «репутация».

Литература:

1. Большой Энциклопедический словарь. // «Academic.ru» — интернет-сервис для поиска информации по базе словарей, энциклопедий, книжных магазинов и фильмов. 2000. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/4641>.
2. Бытие // Библия. Ветхий Завет. Глава 25. Стих 29–34.
3. Винницкий А.В. Продолжение дискуссии об административной ответственности арбитражных управляющих в свете подготовки проекта нового КоАП // Административное и муниципальное право. 2020. № 2 С.1-15.
4. Годфруа, Ж. Что такое психология. Т. 1. М., 1992.
5. Евангелие по Матфею // Библия. Новый Завет. Гл. 6. Стих 24.
6. Лидов А. Икона и иконическое в сакральном пространстве // Полит.ру. 2010. URL: <http://www.polit.ru/lectures/2010/07/16/icon.html>.
7. Мартынов В. «Музыка и письмо» // Полит.ру. 2007 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.polit.ru/article/2007/10/05/martynov>.
8. Моторин А.В. Русский «образ», греческая «икона» и западный «имидж» // Российский православный информационный интернет-портал «Православие.Ru» 2010. URL: <http://www.pravoslavie.ru/34145.html>.
9. Новейший философский словарь: 3-е изд., Минск, 2003.
10. Пивоваров Д.В., Кемеров В. НАГЛЯДНОСТЬ // Философская энциклопедия. - "Панпринт", 1998 // Национальная энциклопедическая служба России (НЭС) – открытый образовательный ресурс. URL: <http://terme.ru/dictionary/183/word/nagljadnost>.
11. Софронов, Г.В., Холстинин, Р.Н. Стремление к истине как доминанта развития уголовно-процессуального доказательственного права // Российский юридический журнал. 2019. № 2 С.108-115.
12. Софронов, Г.В. Подотраслевая структура уголовного процесса // Прокуратура Российской Федерации: вектор развития и роль в формировании демократического правового государства. // Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 300-летию прокуратуры Российской Федерации. 2021. Часть 2. С. 229-234.
13. Чудинов, А.Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. 1910 // Academic.ru. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/4641>.

PHILOSOPHICAL AND LEGAL UNDERSTANDING OF THE CONCEPTS: IMAGE, ICON, IMAGE, HONESTY, REPUTATION, THEIR MANIFESTATIONS IN CRIMINAL PROCEDURAL LAW

Introduction. The article presents an attempt for the first time, on the basis of philosophical and legal understanding, to use the concept of "reputation", which is new for legal scientific circulation. Legal terms, including criminal procedural ones, arise as generic terms. That is, concepts are brought under a common genus, and then specific differences are distinguished. Philosophical categories, due to their universality, cannot be summed up under the genus, and, as a rule, act as a dialectical pair of opposites - the thesis and antithesis. Such, for example, are the concepts of essence and phenomenon, necessity and chance, content and form. The complexity of introducing a new concept of reputation into scientific circulation lies in the fact that it does not have its own dialectical antithesis. A bad reputation is also a reputation. At a stretch, reputation can be opposed to discredit, but discredit is an action aimed at undermining reputation, and this is a transition to another kind. Concepts of this kind can be meaningful by analogy. As such, the authors chose the dialectical pair icon - image, like foreign-language tracing papers from the Russian word image, which in the legal sense are reduced to reputation. Both that and another (both an icon and an image) are an image, but how different and even opposite are the meanings of these words. Moreover, initially the intentions of the authors were precisely linguistic (and not religious or marketing), and only then the words themselves designated the cultural area of their application.

Materials and methods. The theoretical and methodological basis of the study was the hermeneutical approach to the analysis of the concept of "reputation". Methods of systematic, comparative legal analysis, special philosophical and legal research tools were used. The authors used examples from various areas of law - criminal procedure, criminal, civil.

Research results. Based on the results of the analysis, the question of trust is raised in relation to the procedural status of participants in criminal proceedings. The introduction of the concept of "reputation" as a legal category into legal circulation is proposed.

Discussion and conclusion. In the form of a legislative novel, the presumption of good faith of a participant in criminal proceedings is formulated.

Presumption of good faith:

1. Everyone is considered conscientious and reasonable, until otherwise is proved in the manner prescribed by this Code and established by a judicial act that has entered into legal force.

2. Everyone is not obliged to prove their conscientiousness and reasonableness. The burden of proving dishonesty, unreasonableness, abuse of right lies with the person who claims the opposite.

3. All doubts about the good faith and reasonableness of a person that cannot be eliminated in the manner prescribed by this Code shall be interpreted in favor of the person whose reputation is questioned.

4. Any procedural actions and (or) decisions of a state body or an official in the field of criminal proceedings, even based on assumptions, cannot be based solely on the fact that a person has a certain procedural status in a case under consideration or another.

Gleb V. Sofronov,
PhD in Law, Associate Professor of the
Department of Judicial Activity and Criminal
Procedure, Ural State Law University named
after V.F. Yakovlev, Russia

Robert N. Kholstinin,
Senior Lecturer of the Department of Social
and Humanitarian Disciplines, Ural State Law
University named after V.F. Yakovlev, Russia

Ключевые слова:

репутация, икона, имидж, внешний вид,
процессуальный статус, процессуальные
действия, репутация, добросовестность,
разумность, злоупотребление
законом, дискредитация, уголовное
судопроизводство, философия права,
логика права

Keywords:

reputation, icon, image, appearance,
procedural status, procedural actions,
reputation, integrity, reasonableness, abuse
of law, discredit, criminal proceedings,
philosophy of law, logic of law

References:

1. Bolshoy Entsiklopedicheskiy slovar. 2000 [A large Encyclopedic dictionary]. *Academic.ru*. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/4641>
2. Bytie. Bibliya. Vetkhiy Zavet [Genesis. The Bible. The Old Testament]. Chapter 25. Verse 29-34.
3. Vinnitsky, A.V., 2020. Prodolzhenie diskussii ob administrativnoy otvetstvennosti arbitraznykh upravlyayushchikh v svete podgotovki proekta novogo KoAP [Continuation of the discussion on the administrative responsibility of arbitration managers in the light of the preparation of the draft of the new Administrative Code]. *Administrativnoe i munitsipalnoe pravo [Administrative and municipal law]*. No. 2. P. 1-15.
4. Godfroy, J., 1992. Chto takoe psikhologiya. Vol. 1 [What is psychology]. Moscow.
5. Evangelie po Matfeyu. Bibliya. Novyy Zavet [The Gospel according to Matthew. The Bible. The New Testament]. Chapter 6. Verse 24.
6. Lidov, A., 2010. Ikona i ikonicheskoe v sakralnom prostranstve [Icon and the iconic in the sacred space]. *Polit.ru*. URL: <http://www.polit.ru/lectures/2010/07/16/icon.html>
7. Martynov, V., 2007. «Muzyka i pismo». ["Music and writing"]. *Polit.ru*. URL: <http://www.polit.ru/article/2007/10/05/martynov>
8. Motorin, A.V., 2010. Russkiy «obraz», grecheskaya «ikona» i zapadnyy «imidzh». [Russian "image", Greek "icon" and Western "image".] *Rossiyskiy pravoslavnyy informatsionnyy internet-portal «Pravoslávie.Ru» [Russian Orthodox information Internet portal "Orthodoxy.Ru"]*. URL: <http://www.pravoslavie.ru/34145.html>
9. Noveyshiyy filosofskiy slovar. 2003. [The newest Philosophical Dictionary.]. Minsk.
10. Pivovarov D., Kemerov V. 1998. NAGLYADNOST [VISIBILITY]. *Filosofskaya entsiklopediya. - "Panprint". Natsionalnaya entsiklopedicheskaya sluzhba Rossii (NES) – otkrytyy obrazovatelnyy resurs [Philosophical Encyclopedia - "Panprint". National Encyclopedic Service of Russia (NES) – an open educational resource]*. URL: <http://terme.ru/dictionary/183/word/nagljadnost>
11. Sofronov, G.V., Kholstinin, R.N., 2019. Stremlenie k istine kak dominanta razvitiya ugovno-protsessualnogo dokazatelstvennogo prava [The pursuit of truth as a dominant in the development of criminal procedural evidentiary law]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal [Russian Law Journal]*. No. 2 P. 108-115.
12. Sofronov, G.V., 2021. Podotraslevaya struktura ugovnogo protsesssa. Prokuratura Rossiyskoy Federatsii: vektor razvitiya i rol v formirovanii demokratcheskogo pravovogo gosudarstva [Sub-sectoral structure of the criminal process. Prosecutor's Office of the Russian Federation: vector of development and role in the formation of a democratic rule of law]. *Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 300-letiyu prokuratury Rossiyskoy Federatsii [Collection of materials of the International scientific and Practical conference dedicated to the 300th anniversary of the Prosecutor's Office of the Russian Federation]*. Part 2. P. 229-234.
13. Chudinov, A.N., 1910. Slovar inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka. [Dictionary of foreign words included in the Russian language]. *Academic.ru*. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/4641>